

В. Г. Белинский

Парижские тайны. Роман

Эжена Сю. Перевел

В. Строев...

Виссарион Григорьевич Белинский

**Парижские тайны. Роман
Эжена Сю. Перевел В.
Строев...**

Рецензия на издание перевода «Парижских тайн» Э. Сю уже по существу не дополняла разбора романа, данного в статье о нем в той же книжке «Отечественных записок». Критик использовал рецензию для нанесения ответного удара по Я. К. Гроту в связи с его выступлением против Белинского и в защиту романа Ф. Бремер «Семейство». Белинский смело защищает занятые им позиции и подчеркивает реакционный смысл статьи Грота, ее «доносительное» назначение.

Содержание

#1	0005
Примечания	0017

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Парижские тайны. Роман
Эжена Сю. Перевел В.
Строев...**

ПАРИЖСКИЕ ТАЙНЫ. Роман Эжена Сю. Перевел В. Строев. Санкт-Петербург. 1844. В тип. К. Жернакова. Два тома, восемь частей. В 8-ю д. л. В I части – 114, во II – 80, в III – 92, в IV – 135, в V – 118, в VI – 104, в VII – 140, в VIII – 123 стр.

В отделе «Критики» этой книжки «Отчественных записок» мы отдали подробный отчет о «Парижских тайнах». Наше мнение об этом романе должно возбудить против нас неудовольствие многочисленных почитателей и обожателей этого quasi-гениального создания^{1}. На нас будут нападать и прямо и косвенно, и бранью и намеками. В добрый час! Мы почитаем свое мнение о «Парижских тайнах» безусловно справедливым, иначе не высказали бы мы его так решительно и резко. До неудовольствий разных господ сочинителей нам нет дела: кто добровольно принял на себя обязанность говорить правду, тот должен уметь презирать толки и жужжание мелких самолюбий, дурного вкуса, ограниченных понятий. Но где опровержение подобных толков и жужжаний может вести к выяснению истины, там можно нагнуться до них и сказать слова два касательно полемических войн за резко высказанное мнение о пошлости какого-нибудь пошлого произведения, имеющего в толпе своих восторженных поклонников. Между бесчисленным множеством ограниченных людей, загромождаю-

щих собою божий мир, есть особенно несносный разряд: это люди, которым если удастся раз в жизни запасть каким-нибудь чувствованьице или какою-нибудь мыслишкою, то они всякое чувствованьице, всякую мыслишку в другом считают за личное оскорбление своей особе, лишь только чувствованьице или мыслишка другого не похожи на их собственные и противоречат им. Но ничто не может в такой степени оскорбить их мелкое самолюбие и раздражить задорную энергию их гнева, как чувство или мысль порядочного человека. Видя, что это чувство или эта мысль тяжестию своего содержания уничтожает и делает смешными их чувствованьица и мыслишки, и сознавая свою слабость защищать последние против первых, они прибегают к известной тактике бессилия – начинают вопить о безнравственности, грехе и соблазне... Многие из таких господ добродушно преклонились уже перед неслыханным величием «Парижских тайн» и, не будучи в силах вообразить что-либо выше этого пресловутого творения (как мышь в басне Крылова не в силах была вообразить зверя сильнее кошки){2}

, во всеуслышание объявили Эжена Сю гением, а его сказку – бессмертным творением, не упустив при сей верной okazji разругать «Мертвые души» Гоголя, которых любая страница, наудачу развернутая, убьет тысячи таких бедных и жалких произведений, как «Парижские тайны»{3}. Посудите сами: какую неслыханною дерзостью должен показаться им наш откровенный отзыв о их «бессмертном» творении!.. Они так обрадовались, что нашли наконец произведение, которого огромность под силу их чувствованьям и мыслишкам, – и вдруг им *доказывают*, что они могут и даже должны верить, в своем подполье, что «сильнее кошки зверя нет», но что напрасно пугают они этим зверьком целый свет... Посмотрите, что достанется нам! А вот и фактическое подтверждение основательности и справедливости наших предчувствий. В «Современнике» тянулся года полтора роман шведской писательницы Фредерики Бремер «Семейство»; в конце прошедшего года он вышел отдельною книгою. Мы высказали о нем свое мнение откровенно и прямо, как всегда имеем привычку говорить. И что

же? Некто г. Грот, которого воззрения на жизнь нашли себе подтверждение в романе г-жи Бремер и который поэтому увидел в нем для себя нечто вроде корана, «несомненной книги» мусульман, вдруг грянул многоглавою, широковещательною и презадорливою против нас филиппикою. По особенным причинам, не любя полемических битв с разными российскими и иностранными господами сочинителями{4}, мы охотно пропустили бы без внимания статью, не стоящую внимания, если бы ее нападки не касались предметов, до которых образованному литератору нельзя касаться. Последнее обстоятельство невольно заставляет нас сказать несколько слов о статье г. Грота, для отстранения несправедливо устремленных на нас обвинений; да притом оно и кстати пришлось.

Апелляционная статья г. Грота напечатана в 3-й книжке «Москвитянина». Доселе г. Грот упражнялся преимущественно в наполнении приятельского журнала довольно жиденькими и пустенькими статейками о финляндских нравах и литературе;{5} нельзя не пожалеть, что он хотя на минуту мог оторваться от

таких невинных и усладительных занятий, чтоб необдуманно и опрометчиво броситься в омут полемики, самой мутной и тинистой. Вот в чем дело. Мы сказали, что для молодых людей, и особенно для молодых девушек, очень вредно чтение романов в духе Августа Лафонтена и Фредерики Бремер, потому что такие романы нечувствительно приучают смотреть превратно на жизнь. Эти романы располагают их к восторженности, которая совсем не годится в прозаической действительности, ожидающей их в жизни; приучают их видеть жизнь в розовом свете, делают их неспособными переносить ее часто черный и всегда серенький цвет. Девушек у нас всегда назначают для более или менее выгодной *партии*, а они мечтают о блаженстве любви, чистой и бескорыстной. Чувствительные романы поддерживают и раздражают опасную мечтательность. Отсюда выходит несчастье целой жизни многих мечтательниц. Вот что мы говорили, – а г. Гроту заблагорассудилось обвинять нас в нападках на брак, которых у нас и в голове не было. Мы не менее всякого г. Грота убеждены в важности

брака как религиозного и гражданского установления; но хотим видеть брак, как он часто бывает в суровой действительности, а не в розовых и детских мечтах экзальтированных юных головок. По нашему мнению, браки бывают трех родов: браки по принуждению – самый гнусный род браков; браки по юношеской страсти – самый опасный род браков, потому что из ста тысяч наконец удастся только один счастливый; и брак по рассудку, где при расчетах не исключается и склонность в известной степени, – это самый благонадежный род браков. Г-н Грот, пожалуй, скажет, что именно этот-то род брака и прославляет г-жа Бремер. В том-то и дело, что нет! В браке, о котором мы говорим, нет ничего обаятельного для юных мечтателей и мечтательниц. Представьте его им в романе, как он есть, они не станут торопиться жениться и выходить замуж. Все признают необходимость брака, но это никому не мешает сознаваться, что брачное состояние – дело довольно трудное в действительности, хотя и обольстительное в романах известного рода. Особенно возмутили г. Грота наши слова, что «теперь жениться

по склонности и для счастья считается совсем не в тоне, и все решительно женятся для денег и связей». Что ж? Разве это не несомненная истина? При слухе о новом браке все спрашивают, сколько приданого, приобретаются ли связи, но никто не спрашивает, любят ли брачащиеся друг друга. И жених говорит громко: беру столько-то, или: у моей невесты такая-то родня, а о любви умалчивает; невеста тоже говорит: у моего жениха столько-то, или: у него такие-то связи, партия приличная и выгодная. Неужели все это не известно г. Гроту? Где же он живет, в какой Аркадии, в какой Утопии? Но г. Грот до того простирает милую наивность своих аркадских убеждений, что людей, которые женятся не для страсти и счастья (этой невидимки на земле), а для выгодной партии, называет *людьми безнравственными, внушающими презрение и жалость*. Вот это и несправедливо и невежливо! Ибо таких людей множество, и притом между ними много людей честных, благородных и понимающих нравственность не хуже г. Грота. Нет, г. Грот, воля ваша, а вы слишком много берете на се-

бя, называя негодяями всех, кто женится не по страсти, а по расчету и склонности. Мы сами убеждены, что негодяй тот, кто по расчету, насильно женится на девушке, зная ее отвращение к его особе и, еще более, зная ее склонность к другому; но где нет насилия, а есть расчет – там несправедливо видеть разврат. Согласны, что в таком расчетливом браке может быть много пошлого, грубого и даже низкого; но не согласны, чтоб в нем уж непременно не могло быть благородного, честного и нравственного и чтоб люди, которые женятся по рассудку, а не по страсти, непременно не могли быть хорошими мужьями и отцами. Вот что бы следовало развивать в романах, а не рисовать приторные и пошленькие картинки идиллических радостей и мелочных огорчений (разрешающихся потом опять в радости) филистерской жизни. Не худо бы также предуведомить юные души, с розовыми мечтами счастья, о том, как иногда через необдуманные браки размножаются в обществе нищие, как иногда муж тиранит свою жену и держит детей в рабском трепете, убивающем в них все благородные чувства в са-

мом их зародыше... Вот такие «семейные» романы были бы в духе нашего времени и способствовали бы к тому, чтоб браки, как они есть, – сделались браками, как они должны быть. А то, что в своих водяных и приторных картинках рассказывает Фредерика Бремер, – то давно уже истощено филистерскою кистию Августа Лафонтена блаженной памяти. Но г. Грот с чего-то вообразил, что пошленькие романы г-жи Бремер – совсем не апокрифические писания и что сметь не преклоняться перед их авторитетом – значит отрицать брак как религиозное (вишь куда метнул!){6} и гражданское установление, значит «отвергать законы, совесть, веру»!.{7}

Г-н Грот обвиняет нас в согласии с одною из героинь романа г-жи Бремер – Сарою. Да, это правда, мы бы вполне симпатизировали с этим лицом, если б автор изобразил в нем идеал личности, сознающей свое человеческое достоинство, а не какую-то сумасшедшую, которая мечется из одной крайности в другую, чтоб подтвердить ложную мысль, что женщина, только умеющая делать карто-

фельные соусы, может быть счастлива. Несправедливо также находит г-н Грот противоречие в наших словах, что мы смеемся над старыми девами и этим будто бы уничтожаем наши напрасно взведенные на нас г-м Гротом нападки на брак как на установление. По нашему мнению, старая дева – существо жалкое и смешное, не как незамужняя женщина, но как женщина, то есть как существо, не выполнившее своего назначения, следовательно, напрасно родившееся на свет. Это – *une existence manquee, un etre avorte*[1]. Сделаем еще замечание на одно замечание г. Грота. Он обвиняет нас в безнравственности на том основании, что мы не благоговеем перед микроскопическим талантом г-жи Бремер и что он не понял наших слов...{8} Вот каким образом противоположили мы семейственную Германию нашего времени общественному древнему миру: «В первой жизнь душно определяется для людей с их младенчества, семейный эгоизм полагается в основу воспитания; во втором человек родился для общества, воспитывался обществом и потому делался человеком, а не филистером». Г-н Грот изволит так

же благонамеренно, как и литературно, утверждать, что этими словами мы христианский мир поставили ниже языческого!.. Но с которого времени Германия стала представительницею христианства? – уж не с тех ли времен, когда немцы позволили себе иному верить, а иному не верить (следовательно, то и другое произвольно) и тем равно вооружили против себя и вполне верующих и вполне неверующих?..

Но оставим все эти придирки и обратимся к «Парижским тайнам», чтоб заранее ответить на подобного же рода привязки. А ведь случай самый удобный! Роман Эжена Сю имеет цель нравственную, – в этом мы сами соглашаемся, а между тем роман называем плохим. Что мудреного, если за это нас обвинят бог знает в чем!.. Несмотря на все это, мы повторяем, что хорошая цель – сама по себе, а плохое выполнение – само по себе и что не следует ложью доказывать истину. А разве не ложь – такие лица, как, например, Родольф и Певунья, не говоря о многих других? Они невозможны в действительности, стало быть, они вздор, а вздором не годится трактовать о

деле.

Перевод г. Строева больше, чем хорош: он принадлежит к числу таких переводов, которые у нас редко появляются. Напрасно переводчик употребляет семинарское слово *пиитический* вместо общепринятого слова *поэтический*: ведь никто уже не употребляет теперь слов *пиит* и *пиита*! Напрасно также он кланяется графам и маркизам большими буквами: в орфографии это совершенно излишняя и неуместная вежливость. Жаль также, что корректура романа довольно неисправна: так, например, в конце первого тома везде является Жак Феррон, а во втором томе – Жак Ферран; довольно и других опечаток. Впрочем, издание опрятно и красиво.

Примечания

Парижские тайны. Роман Эжена Сю. Перевел В. Строев... (с. 464–468). Впервые – «Отечественные записки», 1844, т. XXXIII, №. 4, отд. VI «Библиографическая хроника», с. 45–48 (ц. р. 31 марта; вып. в свет 1 апреля). Без подписи. Вошло в КСсБ, ч. IX, с. 120–127.

Рецензия на издание перевода «Парижских тайн» Э. Сю уже по существу не дополняла разбора романа, данного в статье о нем в той же книжке «Отечественных записок». Критик использовал рецензию для нанесения ответного удара по Я. К. Гроту в связи с его выступлением против Белинского и в защиту романа Ф. Бремер «Семейство» (см. примеч. к рецензии на этот роман в наст. т.). Белинский смело защищает занятые им позиции и подчеркивает реакционный смысл статьи Грота, ее «доносительное» назначение. Рецензия в этой ее части, видимо, подверглась цензурным сокращениям.

Ответных выступлений в связи с этой рецензией в журналистике не последовало.

Сноски

1

неудавшаяся жизнь, существо неполноценное (фр.). – Ред.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Об отношении критики и публики к роману Э. Сю см. примеч. к статье о «Парижских тайнах».

[^^^]

2

Басня «Мышь и Крыса».

[^^^]

3

Это, вероятно, намек на отзывы о «Парижских тайнах» Ф. В. Булгарина в «Северной пчеле» и О. И. Сенковского в «Библиотеке для чтения».

[^^^]

4

Намек на то, что за этими выступлениями стояли попытки обвинить Белинского в нарушении «устоев» и антиправительственной пропаганде. К «иностранным господам-сочинителям» Белинский относил Я. К. Грота.

[^^^]

5

См. примеч. 5 к рецензии на «Семейство» Ф. Бремер.

[^^^]

6

Ср. в «Ревизоре» реплику Городничего по поводу объяснений Хлестакова (д. II, явл. 8): «О тонкая штука! Эк куда метнул! какого туману напустил! разбери кто хочет!»

[^^^]

7

Ср. слова Репетилова («Горе от ума», д. IV, явл. 4):

*Все отвергал: законы! совесть! ве-
ру!*

[^^^]

8

Многоточие здесь, очевидно, обозначает цензурный пропуск. Имеется в виду «удивление» Грота в его статье по поводу того, что Белинский ставит древнегреческое общество в отношении к общественной жизни выше, чем общество современной Германии, игнорируя «влияние божественной веры на все людские учреждения» (ср. «Москвитянин», 1844, № 3, отд. V, с. 174).

[^^^]

[^^^]